КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Е.И. ЯРОСЛАВЦЕВА

Hi-tech и коммуникативная реальность

Современный человек строит свои отношения с миром на основе цифровых технологий, сжимающих в себе огромные объемы информации и имеющих многообразное техническое и технологическое воплощение. Возникает особая коммуникативная реальность, созданная интеллектом человека. Этот способ кодировки и описания мира не только инструмент работы профессионалов, но и форма связи, общения, обучения самых обычных людей: он интересен и привлекателен, легок в освоении и позволяет стремительно переносить себя в будущее. Пользуясь таким инструментом, человек еще больше проявляет свое качество становящейся, открытой развивающейся системы. Очевидными становятся его творческие потенции, которые при использовании цифровых, информационных и компьютерных технологий, делают развитие человека принципиально незавершенным и открытым для изменений. Человек в цифровом пространстве становится стремительно расширяющей свои возможности интерактивной системой, которая закладывает соответствующие параметры будущего.

Существует устойчивая тенденция повышения интенсивности жизни человека. Его стремительно расширяющееся коммуникативное пространство влияет на мировоззрение человека, стремящегося уложить в единую картину все многообразие изменений. У человека возникает потребность не только в «новой оптике»[1], но и в новом звучании, новом эмоционально-психологическом опыте, что актуализирует вопросы согласованности, синергийности жизненных процессов. Человек и окружающий его мир могут восприниматься как очень чутко реагирующими друг на друга многомерные системы. Фактически происходит новый этап расширения сферы влияния человека на мир, о котором говорил еще М. Маклюен, касаясь не столь далекой от нас эпохи возникновения электричества[2]. В этом расширении

человек не просто начинает преобразовывать мир, он начинает осваивать новые степени свободы, осознавая и по-новому структурируя свой интерактивный топос – зону своего ближайшего, личного взаимодействия с миром[3]. Если еще столетие назад человек мог быть своеобразным сторонним наблюдателем за изменениями, которые происходят вокруг него, и занимать позицию, в которой хотел увидеть «мир как таковой», чтобы начинать правильно его перестраивать, совершенствовать, то сегодня он этого позволить себе уже не может.

Мир обрел много точек роста. По существу, каждое желание человека, превращенное в цель, многократно усиливается цифровыми, мультимедийными технологиями. Компьютер превратился не просто в персональную, но в личную систему коммуникации, создав возможность информирования сообщества об индивидуальных событиях, что порождает перспективы, недоступные ни для какого прогноза. «Мир как таковой» оказался потенциально перенасыщен и недоступен для обычного наблюдения: появляются новые формы самоорганизации, возникают сети коммуникаций, представленные сегодня активно разрастающимся и преобразующимся нелинейным Интернет-пространством. Оно есть одновременно и новая степень свободы человека, и обновленный им внешний мир.

Сетевое Интернет-пространство соразмерно современному человеку и, в определенной мере, проявляет ранее недоступные для наблюдения, особенности развития его отношений с миром. Будучи открытой системой, человек в аутопоэтическом процессе расширяющейся коммуникации не только трансформирует мир, но и преобразуется сам[4]. Оснащенный послушным, дружественным, цифровым инструментом – компьютером, ставшим функциональным продолжением не только его руки, но способностей слышания, видения и чувствования, человек в «новом формате» воспринимает и предъявляет себя миру. Он лично включается в глобальные межконтинуальные отношения «человек и мир», создавая коммуникативную пару.

На рисунке изображен человек, осуществляющий коммуникацию с внешним для него предметно-субъектным

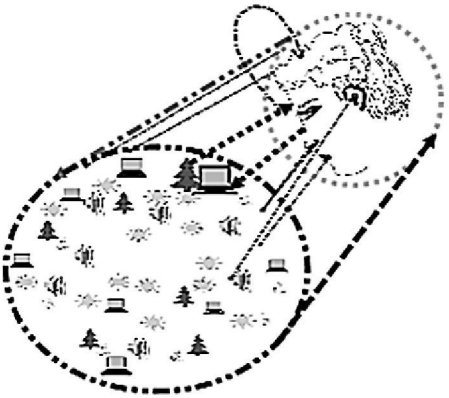

Рис. Человек во взаимодействии с миром: коммуникативная пара.

миром: миром природы и миром людей, где он – одна из сторон «коммуникативной пары». Это требует от него постоянной психофизиологической и интеллектуальной активности, с помощью которой он старается быть адекватным многообразию мира, одновременно создавая мир, адекватный себе. Как открытая к изменениям система он постоянно соразмеряется с миром, оптимизируя взаимоотношения для сохранения собственной динамичной целостности. Человек сосуществует с миром в постоянном интерактивном взаимодействии, формируя определенное пространство, топос, в котором действует его личный опыт освоения мира, определения цели собственного сосуществования.

Отношения человека и мира, микрокосма и макрокосма, естественным образом охватываются философским мышлением. Человек – инвариантен природе, является ее системным порождением, имеющим высокую степень сложности. Философское понимание этой взаимовключенности и противостояния делают понятным, как глобальные мировые проблемы становятся личностно значимыми и переживаемыми, порождая у человека нравственное бремя ответственности за все и всех. Это является качественной стороной взаимоотношений коммуникативной пары, может стать серьезным критерием интерактивного пространства, которое, обретая сети Интернет, становится все более явным.

Покинуть узкие пределы. Можно говорить об опыте саморасширения человека, в котором важна способность строить диалог, управлять соотношениями, осваивать соответствующие инструменты. К ним можно отнести опыт ***доречевой***, ***устной*** и ***письменной*** коммуникаций, ***виртуальную жизнь*** в современных Интернет-сетях. Везде диалог существовал как неотъемлемый признак точек роста, развивался через установление баланса. Нам более всего знаком диалог внешний, когда существует еще один носитель самостоятельной позиции; но бывает и внутренний, нравственный диалог, когда «собеседником» является собственный опыт. Человек может строить диалог со своей памятью. Возможно, такой вид коммуникации породил рефлексию индивида, через построенный диалог произошло осознание не только наличия, но и содержания определенной индивидуальной, жизненно важной для человека, информации. При этом само отношение и возникавшие соотношения вообще не выделялись как процедура, но вполне явственно ощущалось как некоторое качество, как диалог с памятью, получив имя – мудрость. Она выглядела как умение «философски» относиться к чему-либо, т.е. дистанцироваться, а затем связываться с обозначившейся проблемой.

Подобная интеллектуальная операция создавала опыт саморасширения человека. Она похожа на петлю обратной связи, которая характеризует системные процессы. Подобное действие, выполняемое систематически, например, в размышлениях, создает опыт многократного дистанцирования, закрепляющегося в виде внутреннего диалога и отражающегося в отношении к жизни. Внутренний диалог выводил человека к новым перспективам и создавал, одновременно, многомерную соотнесенность внутреннего мира. На определенном этапе оказалось возможным отнестись к этому диалоговому процессу не только в собственных мыслях, но и публично, в речи. История философии знает такие школы, которые стремились выводить, выявлять способы работы и самого мышления, и с мышлением как с объектом. Эти философские школы начали систематически возникать и собирать вокруг себя учеников. И нетрудно заметить, что предметом их размышления были именно диало-

гические процессы, способы рассуждения. Думанье было неизбежной формой, поскольку никаким другим образом интеллектуальное действие совершаться не могло. И посредством думанья строилось отношение к тому, что человек в себе уже заметил как многократно повторяющееся, а именно, отношение к инвариантным процессам рассуждения. По мере возможности любители мудрости, философы выводили это отношение во вне, закрепляя его в речи, делая его существование более реальным, точнее говоря, более публичным. Таким образом, некий инвариант – ***логическое рассуждение*** становилось фактом особой реальности, закреплялось в риторических рассуждениях, диалогах с публикой.

Извлекаемый из себя интеллектуальный опыт работы человека способствовал закреплению данных соотношений в виде функционального образа, который возникал не только у автора, но и у слушателей. Нередко извлечения из собственного опыта могли казаться абстракцией, нежизненными измышлениями, поэтому для поиска компромисса приходилось прибегать к различным риторическим приемам, переходить, как мы бы сегодня сказали, в режим презентации, т.е. подыскивать примеры, на которых показывать интеллектуальные процедуры выполнения отношений. Для многих подобная речевая работа становилась реальным обучением и правилам отношений, и системе оценок. Возможно, оно создавалось посредством резонанса, а человеком могло ощущаться как некоторое припоминание давно живущего внутри знания. Подобная феноменология могла быть вполне естественной, проявляя опору человека на филогенетический опыт развития, внутренний процесс расширения через дистанцирование. Но обнаружить его: выделить и к тому же поименовать, да еще и рассказать другим – сил хватало не у всякого. Здесь от человека требуется особая сосредоточенность и наблюдательность.

В принципе, можно сделать пошаговую схему усложнения сферы соотношений и тогда будет понятно, что происходило при каждом новом этапе расширения, понимания самого себя в контексте сложных коммуникативных систем, в сетевом пространстве мира. И в частности, можно выде-

лить точки появления условий для рождения нового параметра порядка, в которых возникал резкий скачок в расширении системы отношений.

Когда речевой опыт стал устойчивой реальностью, выработалась способность закреплять собственное отношение к содержанию своих мыслей во вне через озвучивание, этот опыт стал областью публичного внимания и оценки. Произошло, можно сказать, бифуркационное расширение, которое вывело отношения в совершенно новый уровень существования. У человека возникло внешнее и внутреннее пространство: мыслительный процесс продолжал занимать свою нишу, а речевой процесс развивал свою: школы устного слова, как мы сказали бы сегодня, были совсем не чтецкими курсами, а способом извлечения смысла изнутри человека. Они имели вполне понятную цель – решать задачи по выявлению скрытых эзотерических смыслов процесса размышления. Возможно, только со временем, когда устные беседы стали обыденным делом, стал появляться интерес к внешнему окрашиванию речи, к работе на публику. И человек, понимавший строение своих мыслей, оценок, которые можно к ним применить, достигал успеха в общении с публикой. Озвучивание мыслей стало способом эффективной коммуникации, рождающим новые отношения, связи в социуме.

При становлении процесса устной коммуникации можно заметить возникновение и еще одного направления – записи того, что было услышано. Это совершенно другая форма воплощения имеющегося внутреннего знания, иная форма выведения соотношения во вне. С физиологической точки зрения здесь различия принципиальны – работают разные мышечные группы. Во время устного выведения отношений во вне, их речевого закрепления, работают мышцы языка. Во время записи речи, а значит, и фиксации «овнешнения» отношений, работают мышцы руки. Это может быть как правая, так и левая рука. По сравнению с речевыми формами существования сетевых коммуникаций, запись способна делать мысли о мыслях не просто публичными, но транслируемыми, передавать их новым поколениям. Данный анализ показывает, что фиксация процесса,

создающего отношения и соотношения, посредством устной и письменной форм, является сквозной деятельной задачей человека, скрытым, порой даже от него самого, мотивом активности, субъектности. И поскольку эти внутренние коммуникации постоянно нарастают, процесс оказывается незавершающимся расширением, формирует постоянно открытую систему.

Эти тонкие коммуникативные связи, соотношения, построившие практику аудиального и визуального восприятия человека, заложив основы его личностного развития, через какое-то время исчезли из его поля зрения и опыта. Они – свернулись. Для человека более важным становился внешний мир с его ресурсами, стали формироваться объект и предмет исследования. Они символизировали и поддерживали становление текстового пространства, умение человека оперировать символами, отражать свои представления о живом мире в условных образах и связях. И конечно, большое значение здесь начинало играть то обстоятельство, что эти знания становились массовыми, приобретая особое свойства. Дело в том, что массовое сознание, по своей природе, отличается от индивидуального, поэтому оно и не способно выявить *нечто* как свое собственное состояние, что было вполне естественным для индивидуального мозга – сложноинтегрированной целостной системы. В результате в сознании учеников становились значимыми не собственные состояния, способности, склонности восприятия и понимания, а то, что утверждалось авторитетами, принималось за правильное. Именно в массовом сознании возникла целая система внешних ориентиров, по существу отвергающих внутренний опыт и переживания человека. Именно она становилась основой общих принципов восприятия мира, которая через письменный текст стала доминировать, а в культуре сложилось представление, что написанное пером – самая весомая истина. И что мир, изложенный в тексте, есть наиболее полная и ясная картина, открытая познавательными усилиями человека. А то, что существует за пределами текста, является произнесенным или только помысленным, может быть подвергнуто сомнению. Существенным, имеющим, как мы бы сказали сегодня, самый высо-

кий рейтинг, становилось то, что воплотилось, обрело свою жизнь на бумаге.

Может быть, это будет слишком рискованным сравнением, но в бумаге, как в нейтральной пластичной форме, воплощаются многие ценности. Не только текст, фиксирующий систему сложных соотношений, посредством которых человек расширил во внешний мир свои потенции, но и, например, деньги, которые так же снимают в себе отношения, но только это отношения обмена, оборота товаров. При этом воплощенные в бумаге мысли становились рукописью, которая вступала в товарообмен, становилась инвариантом предметного мира. Отекстовленные мысли тяготели к обретению товарной стоимости, превращению, например, в виде книг, в антиквариат; и их ценность могла возрастать уже независимо от индивидуальных потенций давно почившего автора, но от отношений современных людей, сообщества. Воплощенные потенции человека могли существовать как Тень из сказки Шварца, как опредмеченная форма уже без него. Сам же человек продолжал развиваться, становясь все более интересным объектом для изучения.

Дисциплинарная замкнутость. Несмотря на все достоинства письменного воплощения, текстовых расширений, человек никак не укладывался в каноны понимания предметного мира. Его аутокоммуникации обретали все новые формы расширения, становились сетевым пространством, особенно проявившимся в Интернет-коммуникациях. То, что удавалось сказать про человека, помещалось в рамки какого-либо дисциплинарного знания и, естественно, отображало человека неполно: он был пойман в ловушку предмета, а также и в ловушку текста. Человек поневоле стал мозаичным и «отекстовленным». А осуществляемые им в жизни общение, коммуникации не отражались в научных знаниях, отбрасывались ради ясности критериев. Гуманитарное знание, существующее, по словам М. Бахтина[5], как знание именно посредством текстов, оказалось перед дилеммой — желание найти истинного человека и отразить его потребности в текстах оказывалось невыполнимым. Ведь реальный человек, особенно, если брать весь временной период его развития, жил в значительной мере в пространстве обще-

ния, коммуникаций, которые не входили в область знания как ясные, устойчивые научные критерии. И если рассматривать человека по временной шкале, то его письменные формы коммуникации, текстовое общение, в том числе и обмен научными идеями, составляют очень малую долю. Хотя, безусловно, для человеческого развития, культуры она имеет очень большое значение, являясь точкой бифуркации, стремительного расширения человеческих потенций.

Но и в этом случае в научных текстах человек получил свою долю внимания только лишь на последнем этапе: философские рассуждения о нем дополнились многообразными антропологиями, так или иначе опирающимися на критерии уже существующих наук. Собственно целостный человек ускользал от исследователей, но они настойчиво пытались решить эту проблему[6], изобрести соответствующий инструмент исследования. Обозначилось стремление к новой герменевтической культуре, представлению о процессе познания как об открытом и развивающем преобразовании отношений, о диалогическом типе коммуникаций, осуществляющемся во взаимодействии человека с культурой. Возможно предположить, что текст, как форма, возник лишь как первый, решающий описательные задачи, инструмент для исследования человека. Посредством его можно только создавать мозаичный образ человека, собирать, не упуская ничего нового, коллаж из знаний о нем. Как можно полагать, принципиально новые решения могут быть найдены в моделях диалога, о которых говорилось уже и в текстовом пространстве – в коммуникации, которая осуществляется в многообразных взаимоотношениях человека и мира.

Постнеклассическая научная модель исследования[7], обладающая высокой чувствительностью научного дискурса к человеку[8], актуализирует вопрос о поиске соответствующих критериев оценки, удерживающих этот интерактивный ценностный диалог. И, прежде всего практической областью применения таких критериев становится сама наука как институциализированная форма динамично расширяющегося диалога человека с природой. Наука сегодня является инструментом этого диалога, и чтобы давать «человекомерные» результаты, в системе ее критериев должен

удерживаться такой фактор, как открытая саморазвивающаяся система – человек. Для науки это несет серьезные качественные изменения: она должна уже не «освобождаться» от субъективности, а найти нужное место и формы использования этого фактора в исследовательской деятельности. Соизмеряя с собой, как и раньше, исследуемый им мир, человек должен делать это уже осознанно, понимая, что формирует, создает свой личный интерактивный топос. По существу, он, будучи не только саморегулирующейся системой, но и саморазвивающейся шкалой[9], является автором своего и соавтором общего мира. Символично появление современных научных концепций, утверждающих, что человек конструирует мир, хотя еще в начале двадцатого века эта мысль, поданная через идеалистические концепции солипсизма, признавалась глубоко антинаучной. Но в них речь шла не столько о действующем, сколько чувствующем человеке, когда тотальная чувственность становилась единственным критерием оценки всего мира, а не только той его части, которая соотносима с чувствами конкретного человека, является его интерактивным топосом.

Наука, дополняемая таким ценностным фактором, как человек, может в широко развитой междисциплинарной и трансдисциплинарной коммуникации создавать обогащающие межпредметные системы критериев. Можно заметить, что уже сегодня социальными и гуманитарными науками осваиваются системы понятий синергетики, выработанные в естественно-научной области знаний, трактующие об открытых аутопоэтичных становящихся системах, фрактальных размерностях, режимах бифуркации[10]. Но при этом, надо заметить, корни этих подходов лежат в глубинном стремлении человека находиться с природой в согласованных, синергийных отношениях. Идея гармонии, постоянно воспроизводившаяся философской мыслью, возрождавшаяся в культуре, позволила воплотиться этому дискурсу в строго научной системе категорий, оказывающей сегодня обратное влияние на гуманитарное знание, а также на человеческую жизнь. И это общая закономерность – культура всегда живет как открытая система, в которой происходит «оборот идей», их обогащение и проявление в самых

различных формах.

Наука, являясь культурным феноменом, становится все более сложным, нелинейным и динамичным инструментом развития и деятельности человека. И посредством ее человек старается удержать возможность развития собственной перспективы: опираясь на «непредсказуемое» прошлое, он хочет быть обращенным в будущее. Однако прогнозировать развитие такого мира, а точнее, взаимодействий *коммуникативной пары,* практически невозможно. Хотя для науки прогноз всегда являлся одной из важных целевых задач, а также – критерием научности получаемого знания. Это значит, что без включения человека с расширяющейся степенью свободы в знание о развивающихся системах практически невозможно создать представление «о мире как таковом», наметить некую определенность. Современное будущее уже не может быть выстроено по-прежнему. Оно должно приобретать запас прочности через человекомерность создаваемых научных инструментов, гарантирующих безопасность получаемых результатов. В современных условиях интенсивного развития это чрезвычайно важно.

В целом ситуация выглядит так: являясь сложной системой, человек должен посредством не менее сложного инструмента – науки, строить гармоничные отношения с внешним миром. Но воспроизводить коммуникативную пару в системе нелинейных отношений, а тем более управлять ее развитием – задача, не имеющая определенных решений. В данном случае внимание надо переключать на человека, поскольку сам для себя он более прогнозируемая, хотя бы на аксиологическом уровне, система. Именно он в ценностном подходе к миру закладывает принципы будущего, основы его баланса и устойчивости. При развитии индивидуальности человека, силы его интеллекта мы наблюдаем предельно расширенное аутопоэтичное интерактивное пространство – топос – человека, которое практически всегда связано с принципиальной незавершаемостью диалога.

Формирующиеся сети Интернет делают практически очевидной эту сторону современной реальности – будущее принадлежит сети и растворяется в ней, если человек не изобретет возможности использовать ее не только как но-

ситель информации, но как продуктивный инструмент. Сеть может обрести любые формы, делая незначимыми любые субстраты. Так текст, как и деньги, уже не требуют бумаги: их внетелесное, сетевое функционирование становится более эффективным. Динамичность оказывается ведущим фактором, тогда как воплощенность становится уже признаком антикварности, что, кстати, совсем не уменьшает, а, наоборот, увеличивает ценность предметного мира: она перестает быть частью рутинного повседневного существования, а уже несет в себе признаки праздника общения с прошлым.

Современный человек, пребывая в Интернете как в среде и стремясь посредством расширенного доступа к получению информации, изучить мир, с необходимостью должен научиться удерживать в зоне своего внимания собственную активность как потенцию исследуемого мира. Иными словами, он должен понимать, что вся информация буквально просеивается через его системы восприятия. И то, что он смог из вала информационных потоков удержать в себе, является, в определенной мере, его личным предпочтением. По существу, это всегда было известно: ведь лучше всего закрепляются знания, полученные на основе интереса. Но в методологическом отношении это считалось неважным, во всяком случае, не носило инструментального характера, а считалось лишь психологической основой познания. Сегодня, при избыточности информации, обнаруживается другой параметр порядка – человека. Он конструирует знание, которое становится соразмерным человеку именно тогда, когда включает его как некий внутренний критерий. Именно это очень важно для получения научного знания, выстраивания сложно прогнозируемых нелинейных перспектив.

Философия цифрового будущего, можно сказать, связана с непредсказуемостью, неоднозначностью получаемых результатов, по сути, с экспериментальностью. Развивающиеся открытые системы имеют всегда открытый результат. Для них жить будущим – это жить неизвестностью. Эксперимент, в своем первоначальном замысле, позволявший заглянуть сквозь пелену неизвестности в будущее, найти в

нем точки опоры, научиться моделировать и получать нужный результат, сейчас обнаруживает свою иную сторону. Обычно в области естественных наук он развертывался для того, чтобы преодолеть стихийность природы. Но, по существу, становился ее проявлением, был инструментом приспособления человека, закреплял его опыт жизни в стихийном пространстве. Эксперимент для исследователя был своеобразной разведкой, сбором информации, чтобы не просто предсказывать гарантированные результаты, но и выстроить способы, этику сосуществования с непредсказуемым. Результат перестает уже быть сверхзадачей; ключевым вопросом становится то, каким образом этот результат создается, каким был путь, процесс движения к результату.

Не имея возможности простраивать будущее с такой же точностью, с которой он восстанавливал, опираясь на факты, прошлое, человек стремится быть согласованным, соблюдать законы синергии, не нарушать естественного хода событий. Расширять свои потенции наиболее успешным образом возможно, находясь не в столкновении, а в глубинном сопряжении с базовыми природными основами развития. Но осуществление этого сопряжения есть область постоянного экспериментирования. Процесс движения вперед, пошаговые, фактически инструментальные, процедуры, становятся ключевой особенностью деятельности человека для решения задач сбалансированного взаимодействия. По существу, это известные этические нормы, ставшие в жизни сетевого открытого мира еще более важными. Именно они характеризуют интерактивный топос современного человека, позволяя сохранять в интенсивном процессе развития высшую ценность – свободу.

Тяжесть управления свободой. Особенно актуальным, открывающим новые философские аспекты, этот вопрос становится в мире современных цифровых технологий. Человек в сетевых коммуникациях, пользуясь современными компьютерными мультимедийными инструментами, обретает совершенно иную предметно-объектную сферу. Это сотворяемые им реальности дополняют существующее жизненное пространство и начинают конкурировать с ним по ценности, значимости для жизни человека. Человек может

в этих виртуальных пространствах достаточно легко перемещаться, не затрачивая и доли тех усилий, которые ему требуются в реальном мире. И это, как кажется, облегчает ему жизнь. Но одновременно он получает максимальное расширение свободы и должен совершать выбор, который требует от человека порой значительных усилий для определения своих предпочтений.

Сетевое, созданное на цифровой основе пространство, как раньше было отмечено, безразлично, нейтрально по отношению к качественно-предметному миру. И тексты, и деньги, да и сам человек – суть отношения. И посредством своих усилий человек может создать ту или иную форму коммуникации, в которой будет обретать тот или иной формат жизни. Но это надо сделать самому, исходя не из внешних, а из внутренне заданных обстоятельств. В сетевых коммуникациях человек как бы максимальным образом приближается к себе, своим собственным потребностям, что испытывает трудности от такой непосредственной связи. Он не может дистанцироваться и понаблюдать за собой, и от этого нередко неспособен сделать адекватный, приемлемый выбор.

То же самое и в системе управления. Казалось бы, самая легкая предметная сфера, мультимедийные объекты подчиняются исправлению, преобразованиям практически без затраты усилий. Но после решения первых простых задач обнаруживается, что управлять ими непросто. Инструмент слишком приближается к человеку. Сложность в управлении таким инструментом – в воздействии на самого себя. Когда человек действует в природе, во вне, он очень слабо вмешивается в свой собственный жизненный, как филогенетический, так и онтогенетический, процесс. Его усилия воплощаются в природном материале и становятся фактом культуры. Но в том случае, когда формируешь отношения, выбираешь предпочитаемую форму связи, изменяешь внешне-внутреннюю коммуникацию, свои фундаментальные соприкосновения с миром. Причем, выбираешь в очень интенсивном интерактивном режиме, не имея возможности вернуть все назад.

Человек фактически попадает в экспериментальный способ существования, а возможность исправиться суще-

ствует только как возможность сделать новый, корректирующий выбор, который компенсирует недостатки, ошибки предшествующего. В этой ситуации человеку нужно быть супергибким, а также уметь философски относиться к ситуации, поскольку сразу обнаруживается, что все эти метания – практика балансирования, необходимая каждому человеку. Если человек осмыслит эти обстоятельства как углубление своего диалога с миром, как тактику и стратегию, сложную технологию межконтинуальных отношений глобальной коммуникативной пары, то он сможет определиться. Он сможет найти точку опоры в безграничной сети развертывающегося диалога и формировать каждый раз новые цели. Важно также заметить, что перед человеком возникает, сначала в виде возможности, которая затем превращается в необходимость, перспектива существования в разных пространствах: реальном и виртуальном. Человеку нужно осваивать или техники быстрого перехода из одного в другое, или способы параллельного наблюдения за тем и другим. В этом случае можно говорить о формировании способностей управления, которые требуют разработки новых технологий и приобретения новых навыков.

Интерактивный топос человека в пространстве сетевой коммуникации может оказаться одной из самых важных сфер развития – как для самого человека, так и для окружающего его мира. И эта реализация свободы зависит, как ни парадоксально, от того, насколько успешно человек владеет своими собственными психофизиологическими способностями, умеет ставить задачи и достигать собственные цели. Интернет-среда в этом случае наиболее благоприятная сфера самореализации человека, имеющая самую высокую степень открытости и неопределенности перспектив. Именно в ней человек может воплощать свои потенции, вырабатывая у себя принципиально иной опыт познания и самоорганизации, опирающийся на стремление не к объективной истине, а к выработке опыта устойчивости отношений, укрепления ресурсной базы человека.

Способность поддерживать свою устойчивость и можно назвать способностью управления, основанную на по-

строении коммуникаций, на использовании тех или иных факторов в открывающейся перспективе. Особую значимость в этом случае приобретает инструмент. И не только наука как наиболее системный инструмент, но и другие более мягкие модели компьютерных, мультимедийных инструментов. Например, для развития системы общения и коммуникации кроме электронной почты – традиционной для современного человека формы общения, существует еще множество сервисов, позволяющих осуществлять общение в текущем времени, здесь-и-сейчас. Резко сократились сроки получения обратной связи, повысилась интерактивность коммуникаций, создались условия для безотлагательного выяснения вопросов, если партнеры по коммуникации поддерживал эту идею.

Кроме интерактивности общения через соответствующие сервисы, в компьютерной мультимедийной, а также Интернет-среде, возможно создание необходимых мультимедийных объектов. Причем, сегодня это могут быть уже не только объекты на плоскости, но и трехмерные, голограммные объекты, которыми также можно управлять. По сравнению со всем ранее существовавшим предметно-объектным миром, компьютерные объекты могут без проблем воспроизводиться и требуют для своего сохранения только цифровых сред, не занимая практически никакой площади. Объектный мир минимизируется, а возможностями обладает гораздо большими, как с точки зрения информационности, так и управляемости.

В сложной системе управления процессом порождения объектов (и надо помнить, что это коммуникация, процесс), человек востребован несколько иным образом. Он осознает, например, не только текстовое построение, которое переносит смысл, но и динамику как объект и воспроизводит ее посредством имеющихся механизмов тактильной и аудио-визуальной памяти. В этом процессе включены другие зоны мозга и, как мы знаем, активируются иные механизмы сложения образа. В данном случае, это область психологии, которая может более конкретно сказать, какие области мозга больше всего участвуют в решении эвристических проблем, если изменяются механизмы (инструменты)

усвоения материала. В этом случае мы видим область проблем, которая связана с изучением комплексной включенности человека в инструментальное действие.

Такая комплексная включенность обозначает, что в рамках компьютерных систем расширенные возможности могут приобрести все функциональные органы человека. Так мы хорошо знаем о визуальных, аудиальных, а также тактильных системах расширения восприятия и коммуникации, которые создают динамичную нагрузку на человека, сложнопрогнозируемые перспективы. Такие нагрузки могут повлечь за собой риски развития, но одновременно в динамических нагрузках происходит более высокий процесс интеграции включенных в деятельность зон возбуждения мозгового: это и визуальные, и аудиальные, и тактильные центры. И в этом случае мы можем говорить, что инструменты изготовления предмета (объекта) позволяют проявиться индивиду во всех его формах развитости. И, соответственно, с помощью инструментов, позволяющих создать объекты, проявлять свои психофизиологические возможности и, управляя ими, развивать себя. Таким образом, человек превращается во все более сложную систему, которая требует все более сложных навыков саморегуляции. Фактически индивид превращается в систему, которая предъявляет новый уровень сложности и требует изменения в системе координации, чем постоянно выводит человека к более сложным задачам по самоуправлению.

И в тесной связи с реализацией этих вопросов происходит процесс образования, который включает в себя несколько динамичных параметров, является, и по существу, ***экспериментальным***, не имеющим предварительных ответов. Надо заметить, что только при росте нагрузок на учащегося проявилась такая проблема, как избыточная, а точнее, несбалансированная загруженность каналов восприятия учащихся, вынуждавшее многих уклоняться от занятий, утомлявшихся слушать – воспринимать ушами – устную информацию. Стало понятно, что познавательный процесс – сложный коммуникативный акт, требующий согласованных взаимодействий многих сенсорных зон. И успешность трансляции больших объемов информации

будет тем выше, чем оптимизированнее будут формы передачи информации. Процессуальность, коммуникативность, вышедшая наружу и отделенная от человека, сейчас с человеком снова соединяется, показывая его творческое начало в полном своем свободном проявлении. При этом человеку надо уметь (учиться) отслеживать этот динамичный путь изготовления своего объекта, предмета, используя динамичность как собственное свойство инструментального исполнения объекта. В каком-то смысле, это выявление собственной динамики через используемый инструмент.

По существу мы видим очень интересный процесс аутокоммуникации, который показывает глубокое соприкосновение инструментальной базы и природных потенций человека, существующих в сфере развития современных Интернет-сетей, мультимедийных компьютерных технологий. И их взаимопроникновение становится все более серьезным, перспективы связываются с развитием нанотехнологий, когда человек не будет иметь специальных инструментов, а ограничится одним, контролирующим все системы, чипом. Нанотехнологии могут проявить себя в том, что человек станет познавать не внешний мир инструментом-зондом, а уже внутренний мир, внедряющимся в него самого инструментом.

Уже сегодня такие формы контроля можно осуществлять различным образом. Особое внимание надо обратить на рождающиеся мультимедийные инструменты, которые серьезно расширяют традиционные формы обучения. В современном образовательном пространстве можно строить работу с различными категориями учащихся, как с ограниченными возможностями здоровья, так и с талантливыми и особо развитыми детьми. Важно, что это могут быть как массовые аудитории, так и индивидуальные ее представители в дистанционных формах обучения, которые в своем социальном аспекте составляют единую аудиторию.

Примечания

[1] Под «новой оптикой» понимается переход от линзового к лазерному, голограммному восприятию, которое формируется из необходимости видеть много связей одновременно, в их согласован-

ном взаимодействии см.: О разработке перехода от линзовой классической парадигмы к лазерно-голографической парадигме Хакена-Бома см.: *Аршинов В.И., Буданов В.Г.* Синергетика как познавательный процесс // Философия, наука, цивилизация. М., 1999; *Аршинов В.И.* Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999.

[2] *Маклюен Г.М.* Понимание Медиа: внешние расширения человека. Understanding media. М., 2003.

[3] *Ярославцева Е.И.* Сеть свободы человека. Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке. М., 2006. С. 168 – 193.

[4] *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания. М., 2001.

[5] См.: *Бахтин М.М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Вопросы литературы. 1976. № 10.

[6] Фактически изучались возможности методологических оснований единой науке о человеке, к которой двигались как российские, так и зарубежные исследователи (И.Т. Фролов, Ф. Фромм), практически синхронно еще в XX веке работая над рядом актуальных тем. См.: *Борзенков В.Г.* На пути к единой науке о человеке // Многомерный образ человека. На пути к созданию единой науки о человеке. М., 2007.

[7] *Степин В.С.* Теоретическое знание. М., 2003.

[8] *Аршинов В., Лайтман М., Свирский Я.* Сфирот познания. М., 2007.

[9] *Ярославцева Е.И.* Человек в контексте синергетики // Философия науки. Вып. 8. М., 2002. С. 256 – 277.

[10] *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее. М., 2006.